

ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ

ДИАНА ВАСИЛЬЕВА

Диана Васильева

Хранители памяти

«Автор»

2026

Васильева Д.

Хранители памяти / Д. Васильева — «Автор», 2026

В этом городе люди исчезают. Незаметно. Сначала пропадают фотографии, потом – записи, голоса, имена. А когда о человеке больше некому помнить, исчезает и он сам. Хранители памяти – редкие маги, способные удерживать в мире тех, кого уже забыли все остальные. Они носят чужие воспоминания как долг и знают главное правило: нельзя любить того, кого ты хранишь. Любовь искажает память и разрушает границы реальности. Главный герой — Хранитель, привыкший помнить тех, кого никогда не узнают и не поблагодарят. Очередной заказ кажется обычным: девушка без имени, почти исчезнувшая из мира. Но чем дольше он удерживает её в памяти, тем отчётливее понимает – она была стёрта не случайно. Каждое воспоминание делает её реальнее. Каждое чувство – опаснее. Теперь ему предстоит выбор: следовать правилами или нарушить их и попытаться спасти человека, которого запрещено любить. Потому что иногда, чтобы кого-то спасти, нужно позволить исчезнуть всему остальному...

© Васильева Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. ТО, ЧТО ЕЩЁ ДЕРЖИТСЯ	6
ГЛАВА 2. КОМНАТА БЕЗ ХОЗЯЙКИ	8
ГЛАВА 3. БЕЛОЕ МЕСТО НА ФОТОГРАФИИ	10
ГЛАВА 4. ПЕРВОЕ ИМЯ	13
ГЛАВА 5. НАСТАВНИЦА	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Хранители памяти

ПРОЛОГ

Город просыпался неравномерно. Были кварталы, которые словно запаздывали: пустые остановки, подъезды с тёмными окнами, дворы без шагов и голосов. Они не выглядели заброшенными. Просто люди всё реже замечали, что туда можно свернуть.

Сначала исчезали мелочи.

Фотография на стене однажды оказывалась пустой, будто из неё аккуратно вырезали силуэт. В телефоне оставались даты без снимков. В переписке — ответы, которым не находилось вопроса. Люди объясняли это сбоем, усталостью, плохой связью. Памятью, которая подводит всех.

Потом исчезали имена.

— Ты помнишь... — начинал кто-то и останавливался.

Продолжать было нечем. Имя не приходило. Лицо — тоже. В разговорах возникали короткие паузы, неловкие и почти незаметные. Собеседники пожимали плечами, меняли тему и через минуту уже не помнили, из-за чего замолчали.

А потом исчезали люди.

Не внезапно и не на глазах у прохожих. Никто не растворялся посреди улицы. Просто в какой-то момент человека больше нельзя было найти — ни в списках, ни в архивах, ни в чьих-то воспоминаниях. Даже его вещи начинали выглядеть чужими, будто всегда принадлежали кому-то другому или лежали здесь случайно.

В этом городе не принято было задавать вопросы.

Если исчезновение не касалось тебя напрямую, безопаснее было смотреть мимо. Не задерживаться взглядом. Не проверять, насколько надёжной может оказаться собственная память.

Хранители памяти знали, что происходит на самом деле.

Их было мало — слишком мало для такого города и достаточно, чтобы мир мог делать вид, что ничего не происходит. Они не носили знаков отличия и не собирались в тайных местах. Их магия не требовала слов и жестов. Она требовала только одного: помнить.

Хранитель удерживал человека в мире самым фактом памяти: именем, лицом, голосом, привычкой поправлять рукав, маршрутом до дома. Пока хотя бы один Хранитель помнил, исчезновение не завершалось. Следы всё равно стирались — медленно и неумолимо, — но человек оставался достаточно реальным, чтобы жить.

О такой работе почти никто не знал. За неё не благодарили.

Главное правило Хранителей передавалось без записей и клятв: нельзя любить того, кого ты хранишь.

Любовь делала память опасной. Она добавляла лишние детали, смещала акценты, подменяла факты желанием. Мир держался на точности — на том, что воспоминание остаётся воспоминанием и не превращается в новую реальность.

Иногда правило нарушали.

О таких случаях не говорили вслух. Их узнавали по последствиям: по дверям, появившимся там, где их быть не должно; по улицам, приводившим не туда; по людям, которые помнили слишком много и потому не выдерживали.

Хранитель, о котором пойдёт речь, знал все эти истории. Он знал правила и соблюдал их долго — тщательно, почти педантично.

До того дня, когда в его списке появилось имя, которого не должно было существовать.

Вернее — имя, которое уже почти стёрлось.

ГЛАВА 1. ТО, ЧТО ЕЩЁ ДЕРЖИТСЯ

Хранитель пришёл на работу раньше, чем планировал, — не потому, что спешил, а потому, что дома было слишком тихо.

В последнее время тишина давалась ему хуже, чем чужие воспоминания.

Здание, в котором он работал, не имело вывески. В городских документах оно значилось как архивное хранилище, и этого объяснения всем хватало. Сюда почти не заходили случайные люди: архивы не вызывали интереса, если не касались тебя напрямую.

Он поднялся по лестнице, включил свет и на несколько секунд задержался у окна. Снаружи город выглядел обычным — слишком обычным для того, кто знал, сколько в нём пустот. Некоторые из них были свежими. Другие давно стали частью фона.

Хранитель сел за стол и открыл тетрадь.

Она была толстой, с мягкой обложкой, исписанной мелким аккуратным почерком. Электронные носители для такой работы не подходили: записи на них исчезали первыми. Бумага держалась дольше, особенно если её помнили.

Он пробежал взглядом по последним страницам.

Имена. Даты. Короткие пометки — не факты, а якоря: любит мятный чай, боится лифтов, всегда опаздывает на пять минут.

Чем конкретнее была память, тем устойчивее она держалась.

Список на сегодня был коротким. Это означало либо спокойный день, либо что-то похуже. Обычно — второе.

Он только начал читать первое имя, когда за дверью раздался стук.

Хранитель поднял голову не сразу.

Он уже знал, кто это будет.

Женщина вошла осторожно, словно боялась оставить слишком заметный след. Ей было около пятидесяти, но возраст читался не в лице — в движениях. В том, как она держала сумку и как оглядывалась, прежде чем заговорить.

— Вы... — начала она и замолчала, подбирая слово. — Вы тот самый?

Хранитель кивнул.

Он давно перестал уточнять, что именно люди имеют в виду.

— Мне сказали, вы можете... — Она снова остановилась. — Помнить.

Он указал на стул напротив.

— Имя? — спросил он.

Женщина вздрогнула.

— Моё?

— Того, кого нужно помнить.

Она сжала руки и несколько секунд смотрела в столешницу.

— Я не уверена, — сказала наконец. — Оно всё время ускользает.

Это был плохой знак. Если заказчик уже не помнил имя, времени оставалось мало.

— Тогда начнём с другого. Кто это был для вас?

— Моя дочь.

Слова повисли между ними. Хранитель сделал пометку в тетради.

— Сколько ей лет?

— Двадцать... — Женщина нахмурилась. — Нет. Двадцать один. Наверное.

— Когда вы в последний раз говорили с ней?

— Вчера.

Она произнесла это слово так, словно оно должно было объяснить всё, хотя сама уже не была в этом уверена. Хранитель отметил это сразу. Люди часто путали «вчера» с «недавно». Память цеплялась за привычные ориентиры, даже когда они переставали быть надёжными.

— Как её зовут? — спросил он мягко.

Женщина открыла рот. Закрыла. Провела рукой по лицу.

— Я знаю, что знаю, — сказала она тихо. — Но как будто слово спряталось. Я вижу её. Помню комнату. Куртку. То, как она смеялась. А имя — нет.

Хранитель закрыл тетрадь.

— Это не бесплатно.

— Я знаю.

— И не навсегда.

— Я тоже знаю.

Она посмотрела на него прямо, впервые с момента, как вошла.

— Просто... пожалуйста. Пока я ещё могу попросить.

Он кивнул. Этого было достаточно.

После её ухода Хранитель долго сидел неподвижно. Заказы от близких всегда были сложнее. Родственная память была насыщенной, но нестабильной: слишком много чувств, слишком мало дистанции.

Он открыл новую страницу и написал:

Женщина. Дочь. Имя неизвестно.

Рука замерла.

Имя было основой. Без него удерживать человека становилось куда труднее.

Хранитель закрыл глаза и попытался представить её — не образ, а присутствие. Это было похоже на попытку удержать звук, который уже стих, но всё ещё отдавался эхом.

Где-то в глубине памяти что-то дрогнуло.

Не воспоминание. Тонкое тревожное биение.

Хранитель нахмурился. Такого раньше не случалось — по крайней мере, за всё время его работы. Обычно люди исчезали потому, что их забывали.

Здесь забывание было ускорено. Слишком резко. Слишком направленно.

Он открыл тетрадь и добавил пометку, подчёркнутую дважды:

Исчезновение неестественное.

Это означало проблемы.

Хранитель откинулся на спинку стула и посмотрел в окно. Город жил своей жизнью — шумной, равнодушной, устойчивой. И где-то в нём уже начинала растворяться девушка, у которой пока ещё была мать.

И теперь — Хранитель.

Он ещё не знал её имени. Но знал, что времени почти не осталось.

Когда он собрался закрыть тетрадь, на чистой строке проступил след графита. Хранитель не касался страницы карандашом, однако бледная линия медленно изогнулась и стала буквой.

«М».

Он смотрел на неё, пока буква не поблекла.

Потом впервые за много лет запер дверь кабинета изнутри.

ГЛАВА 2. КОМНАТА БЕЗ ХОЗЯЙКИ

Женщину звали Елена Белова. Это имя она назвала без запинки, но на лестнице дважды переспросила Хранителя, куда они едут.

— К вам домой.

— Зачем?

— Посмотреть комнату вашей дочери.

Елена остановилась между этажами. Лицо её на мгновение стало пустым.

— У меня нет дочери.

Хранитель не ответил. Он достал тетрадь и показал ей собственную запись: *Женщина. Дочь. Имя неизвестно.*

Елена прочла. Губы задрожали.

— Есть, — выдохнула она. — Конечно, есть. Простите.

До её дома ехали на трамвае. За окнами тянулись мокрые фасады, киоски и люди, прижимавшие к груди зонты. Елена всё время держалась за металлический поручень, словно боялась, что город вытряхнет её на чужой остановке.

— Что она любила? — спросил Хранитель.

— Рисовать.

— Чем?

— Красками. Или углём. Нет... Она фотографии чинила.

— Реставрировала?

— Да. Старые, порванные. У неё пальцы всегда пахли...

Елена нахмурилась и понюхала собственную ладонь.

— Гвоздичкой, — сказала она. — Она мыла руки гвоздичным мылом. Я терпеть не могла этот запах.

Хранитель записал: *гвоздичное мыло.*

В тот же миг сиденье напротив прогнулось, будто на него кто-то сел. Елена этого не заметила. Хранитель видел лишь тень на пластике, но тень продержалась до следующей остановки.

Квартира встретила их запахом кофе и закрытых окон. В коридоре стояли две пары женских ботинок. Возле маленьких чёрных — влажных, будто их недавно сняли, — лежал комочек осенней грязи.

— Эти ваши? — спросил Хранитель.

Елена посмотрела на ботинки.

— Нет. Наверное, старые.

Он коснулся носка. Кожа была тёплой.

Комната дочери находилась в конце коридора. Елена долго перебирала ключи, пока Хранитель не заметил, что дверь не заперта.

Внутри стояли коробки.

Не беспорядок молодой женщины и не законсервированная детская. Обычная кладовая: запасные стулья, зимние куртки в прозрачных чехлах, банки с краской. Комната уже соглашалась с тем, что хозяйки никогда не было.

Елена прижала ладонь ко рту.

— Здесь была кровать.

— Где?

— У стены. Нет, у окна.

Хранитель подошёл к полу. На паркете сохранились четыре светлых прямоугольника от ножек мебели. Они располагались у стены. Елена ошибалась, но её ошибка была полезнее уверенности.

— Что она видела, просыпаясь?

— Дерево.

За окном находилась кирпичная стена соседнего дома.

— Елена, посмотрите внимательно.

— Я помню дерево.

— Какое?

— Рябину. Она сердилась на птиц, потому что они будили её зимой.

Хранитель записал рябину. На стекле проступила тонкая тень ветки, усыпанной ягодами. Она качнулась, хотя снаружи не было ветра, и пропала.

— Продолжайте.

Елена села на коробку.

— На подоконнике стояла синяя чашка. С отколотой ручкой. Я всё просила выбросить, а она говорила, что из целых чашек чай невкусный.

В коробке с посудой что-то звякнуло.

Хранитель раздвинул газеты и достал синюю чашку. Ручка была приклеена, но по керамике проходила тёмная трещина.

Елена взяла чашку обеими руками.

— Вот. Её.

— Не пытайтесь вспомнить лицо. Только то, что действительно знаете.

— У неё была родинка под глазом.

— Вы уверены?

Елена закрыла глаза.

— Нет.

Родственная память всегда спешила заполнить пустоту. Хранитель провёл пальцем по краю чашки и почувствовал горечь дешёвого чая. Не вкус — след вкуса. Кто-то держал чашку обеими руками, грел пальцы, глядя на несуществующую рябину.

На дне коробки лежал бумажный билет. Чернила почти исчезли, однако под углом читалась надпись: *Городской фотоархив. Служебный вход.*

— Она работала там?

— Кажется.

— Когда вы видели её в последний раз?

Елена снова сказала:

— Вчера.

На этот раз Хранитель попросил описать вчерашний день от пробуждения до сна. Елена вспомнила магазин, суп, вечернюю передачу и звонок сестре. Дочь в её дне не появилась.

— Значит, не вчера.

— Но я слышала её.

— Где?

— Здесь.

Елена указала на зеркало шкафа.

В отражении за спиной Хранителя стояла девушка.

Тёмные волосы были собраны на затылке. Лица он не разглядел: там, где должны были находиться глаза и рот, свет дрожал, как на испорченной плёнке.

Девушка прижала палец к губам.

Хранитель обернулся.

Комната была пуста.

В зеркале тоже никого не осталось, только на запотевшем изнутри стекле появились четыре слова:

Не запоминай моё лицо.

ГЛАВА 3. БЕЛОЕ МЕСТО НА ФОТОГРАФИИ

Городской фотоархив занимал бывшую фабрику граммофонных игл. Красный кирпич потемнел от дождей, высокие окна покрылись известковой пылью, а над служебным входом ещё сохранялась выцветшая нота.

Билет из комнаты открыл турникет.

Охранник поднял голову, посмотрел сквозь Хранителя и снова уткнулся в газету. Такое случилось рядом со свежими пустотами: внимание соскальзывало со всего, что могло привести к исчезнувшему человеку.

Внутри пахло картоном, уксусом и холодным металлом. Стеллажи уходили под самый потолок. Между ними двигались люди в серых халатах, неся коробки с негативами.

— Посетителям сюда нельзя.

Голос раздался у него за спиной.

Молодой мужчина лет двадцати пяти держал стопку плоских коробок. Волосы у него были рыжеватые, на правой щеке белел тонкий шрам.

— Я не посетитель.

— Все так говорят, пока не просят найти фотографию прадеда у фонтана.

Хранитель показал билет.

Мужчина перестал улыбаться.

— Откуда он у вас?

— Из комнаты сотрудницы архива.

— Какой сотрудницы?

— Вы её знали.

— Я много кого знаю.

— Назовите людей, работавших в реставрационной мастерской в этом месяце.

Мужчина переложил коробки. Первые имена пришли легко: Галина, Пётр, Антон, Людмила. Потом он замолчал. На лбу выступила тонкая складка.

— И ещё кто-то, — сказал Хранитель.

— Нет.

— Вы оставляли для неё этот билет.

Мужчина посмотрел на собственный почерк на обороте.

— Я курьер. Я оставляю билеты десяткам людей.

— Как вас зовут?

— Тим Орлов.

Хранитель записал имя. Тим поморщился.

— Не люблю, когда при мне записывают.

— Почему?

— Потом оказывается, что бумага помнит лучше тебя.

Это был хороший ответ.

Тим отвёл его в реставрационную мастерскую. За длинными столами под белыми лампами лежали фотографии: свадьбы, школьные классы, военные части, пикники у реки. На некоторых лицах темнели трещины. Другие были восстановлены так тщательно, что прошлое казалось вчерашним.

Последний стол пустовал.

— Кто здесь работал?

— Никто. Запасное место.

На фартуке стула сохранилась полоска синей краски. В ящике лежал обмылок с запахом гвоздики.

Тим выругался шёпотом.

— Что?

— Я каждый день прохожу мимо. Почему я не видел?

— Потому что вас заставляют не видеть.

— Кто?

Хранитель не ответил. Он поднял рабочий журнал. Между фамилиями Петрова и Молчанова бумага была выскоблена ножом. Волокна всё ещё топорщились.

Случайное исчезновение стирало запись целиком. Здесь кто-то уничтожал следы руками, не дожидаясь магии.

— У вас есть камеры?

— Есть. Толку мало, они вторую неделю пишат пустой стол.

На записи мастерская менялась почти незаметно. Люди входили и выходили, снимки перемещались, чашки появлялись в сушилке. У пустого стола время от времени возникала вмятина на сиденье. Кисточка поднималась сама. Однажды в кадре проступила тень руки.

На последнем сохранившемся фрагменте невидимая сотрудница держала фотографию.

— Остановите.

Тим увеличил кадр.

Фотография показывала городскую площадь сорокалетней давности. Фонтан, автобусную остановку, толпу у кинотеатра. Посреди толпы зияло белое место, слишком ровное для повреждения.

Хранитель почувствовал знакомое биение.

В динамике зашипело. Сквозь шум пробился женский голос:

— Не забывай лицо. Запомни, что я искала.

Тим отшатнулся.

— Вы слышали?

Хранитель услышал больше.

Под шумом звучала детская считалка. Всего три ноты и слова, которые он не мог разобрать. От них заболело под рёбрами, словно тело узнало то, чего не помнил разум.

— Мне нужна эта фотография.

— Она в особом фонде.

— Что это значит?

Тим закрыл запись и оглянулся на дверь.

— То, что её забрали сегодня утром. За час до вашего прихода.

— Кто?

— Женщина из Центрального архива. Высокая, седая. Назвала пропуск, но я его не записал.

— Софья Ратникова?

Тим побледнел.

— Значит, вы всё-таки знаете, кто стирает людей.

— Пока я знаю только, кто пришёл раньше нас.

В коридоре погас свет.

Сначала один ряд ламп, потом следующий. Темнота двигалась к мастерской, последовательно отсекая выходы.

Тим схватил со стола фонарь.

— Это у вас обычное дело?

— Нет.

Хранитель открыл тетрадь. Буква «М» на странице стала темнее. Рядом проступила вторая.

«И».

— Теперь будет, — сказал он.

ГЛАВА 4. ПЕРВОЕ ИМЯ

Они выбрались через погрузочный коридор, которым Тим пользовался каждое утро. Он не смог бы объяснить маршрут словами, но ноги сами выбирали повороты. Когда позади хлопнула металлическая дверь, свет в архиве загорелся сразу, будто ничего не произошло.

— Я с вами, — сказал Тим.

— Нет.

— За мной только что гналась темнота.

— Она гналась не за вами.

— Тем хуже. В следующий раз я не пойму, что оказался рядом.

Хранитель хотел возразить, но Тим уже шагнул к трамвайной остановке. На середине улицы он свернул в узкий переулок, хотя дорога к остановке шла прямо.

— Куда вы?

— Не знаю.

Тим остановился у двери булочной. На стекле висела табличка «Закрито», внутри не горел свет. Его рука сама толкнула дверь.

За прилавком никого не было. В воздухе пахло тёплым хлебом, хотя полки пустовали. Тим прошёл в подсобку и достал из-за мешков жестяную коробку.

— Я не помню, чтобы прятал её.

В коробке лежали семь фотографий, обёрнутых промасленной бумагой. На каждой было одно и то же белое место: у фонтана, в вагоне метро, перед роддомом, на сцене школы, возле горящего дома. Снимки разделяли десятилетия.

На обороте последней фотографии сохранилась надпись:

Если меня сотрут, отнеси тому, кто всё записывает. Не верь единственной версии.

Под надписью стояла буква «М».

— Она дала это мне, — сказал Тим. — Наверное.

— Что вы о ней помните?

— Ничего.

— Не ищите лицо. Вспомните действие.

Тим закрыл глаза.

— Она всегда пересчитывала ступени.

— Ещё.

— Клала сахар в кофе и не размешивала.

— Ещё.

— Злилась, когда я называл старые снимки картинками.

Хранитель записывал. С каждым фактом буквы на странице становились отчётливее: М.

И. Р.

Последняя не появлялась.

— Чего вы о ней не любили?

Тим открыл глаза.

— Она никогда не просила о помощи вовремя. Сначала лезла одна, потом ставила остальных перед фактом.

Карандашная линия замкнулась.

«МИРА».

В булочной что-то изменилось. На одном из стульев появилась женская куртка — короткая, с оторванной пуговицей. На стойке возник стакан остывшего кофе, на дне которого лежал нерастворившийся сахар.

А возле окна стояла девушка.

На этот раз у неё было лицо.

Неустойчивое: цвет глаз менялся от серого к карему, линия губ дрожала, тёмные волосы то касались плеч, то оказывались собраны. Однако выражение оставалось одним — раздражённым.

— Наконец-то, — сказала она.

Тим прислонился к стене.

— Мира?

Она посмотрела на него и поморщилась.

— Ты сделал всё не так.

— Я тебя не помню.

— Я заметила.

Хранитель не двигался. Любая поспешная деталь могла закрепиться как ложная.

— Назовите себя.

— Вы только что это сделали.

— Мне нужно услышать от вас.

Девушка подошла ближе. Её шаги звучали через один, словно половину движения город ещё не признавал.

— Мира Белова. Двадцать шесть лет. Реставратор. И я не исчезаю сама.

— Кто вас стирает?

Она посмотрела на фотографии.

— Те, для кого память давно стала способом управлять городом.

За окном проехал трамвай. На миг его грохот заглушил голос Миры, и она стала прозрачной.

Хранитель произнёс её имя.

Мира вернулась, но уже стояла ближе. Между ними оставался один шаг.

— Не делайте так часто, — сказала она.

— Почему?

— Потому что каждый раз, когда вы зовёте меня, я возвращаюсь немного другой.

Она коснулась его тетради. На странице проступил отпечаток пальца, испачканного синей краской.

— Если останетесь единственным, кто меня помнит, вы создадите не меня. Вы создадите женщину, которую захотите помнить.

— Тогда найдём остальных.

Мира усмехнулась, и впервые её лицо стало ясным.

— С этого я и начинала.

Дверь булочной распахнулась.

На пороге стояла высокая седая женщина в тёмном пальто. Хранитель узнал её раньше, чем она подняла глаза.

Софья Ратникова, его наставница, держала в руке фотографию с белым местом.

— Лев, — сказала она. — Закрой тетрадь.

Мира исчезла.

Но теперь у неё было имя.

ГЛАВА 5. НАСТАВНИЦА

Софья вошла, не спрашивая разрешения. Она всегда так делала — в кабинетах, чужих разговорах и, как теперь понял Лев, в чужой памяти.

Тим отступил к стойке. Жестяная коробка осталась открытой, семь фотографий лежали на виду. Софья посмотрела на них без удивления.

— Я велела закрыть особый фонд, — сказала она.

— Вы велели его обокрасть, — ответил Лев.

— Не путай хранилище с кражей.

Она сняла перчатки и положила фотографию на стол. На площади у фонтана белело ровное пятно.

— Где Мира? — спросил Лев.

— Сейчас нигде. Через несколько минут может появиться снова. Ты слишком быстро закрепил имя.

— Имя настоящее.

— Настоящее имя тоже можно вспомнить неправильно.

— Она назвала его сама.

Софья задержала взгляд на странице тетради, где синел отпечаток пальца.

— Значит, уже поздно притворяться, что это обычный заказ.

Тим шагнул вперёд.

— Кто её стирает?

— Выйдите, молодой человек.

— Нет.

Софья повернула голову. Ничего не произошло, но Тим вдруг растерянно огляделся.

— Почему я здесь? — спросил он.

Лев схватил его за запястье.

— Вы принесли фотографии. Вы помните маршруты. Вы обещали помочь Мире.

Тим моргнул. Осмысленность вернулась в глаза.

— Не делайте так больше, — сказал он Софье.

— Тогда не стойте между Хранителями.

— Он уже стоит, — сказал Лев. — И держится лучше многих из нас.

Софья медленно надела перчатки. Лев слишком хорошо знал этот жест. Наставница поправляла левую перчатку, когда принимала решение, о котором не собиралась говорить.

— Закрой заказ, — сказала она. — Верни женщине деньги. Сожги записи. Через неделю ты не вспомнишь, что видел эту девушку.

— А её мать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.